
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

УДК 911.3:338.48

КЛАССИФИКАЦИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫХ МЕЗОРЕГИОНОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БАЛТИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

© 2021 г. А.Г. Манаков*, И.А. Иванов**, О.А. Чученкова***

Псковский государственный университет, Псков, Россия

**e-mail: region-psk@yandex.ru*

***e-mail: ii60@bk.ru*

****e-mail: oksanachuchenkova@gmail.com*

Опыт работы по оценке влияния пандемии COVID-19 на международный туризм свидетельствует о том, что в настоящее время недостаточно внимания уделяется отслеживанию изменений в географии и объеме межнациональных туристских потоков. В частности, при изучении трансграничного туризма приобретают актуальность исследования, направленные на оценку величины туристского обмена в трансграничных туристско-рекреационных регионах. Целью статьи является классификация трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов в юго-восточной части Балтийского региона по величине трансграничного туристского обмена. В результате проведенного исследования было выделено шесть трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов с участием Эстонии, Латвии и Литвы. Были определены границы этих мезорегионов и дана оценка величины трансграничного туристского обмена в их пределах. По последнему показателю предложено разделить мезорегионы на три категории: 1) с высокой степенью сформированности (туристский обмен свыше 500 тыс. чел. в год); 2) со средней степенью сформированности («выше средней») (от 100 до 500 тыс. чел. в год); 3) со средней степенью сформированности (от 50 до 100 тыс. чел. в год). Трансграничные туристско-рекреационные регионы с низкой степенью сформированности (при туристском обмене менее 50 тыс. чел. в год) отнесены к категории микрорегионов. В первую категорию был включен эстонско-финский мезорегион, во вторую – три мезорегиона (российско-эстонский, российско-польско-литовский и польско-литовско-белорусский), в третью – российско-эстонско-латвийский и эстонско-латвийский мезорегионы.

Ключевые слова: страны Балтии, туризм, рекреация, туристский поток, трансграничный обмен, трансграничный регион, степень сформированности.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-10

Введение и постановка проблемы. Развитие туризма на приграничных территориях привлекает значительное внимание со стороны отечественных и зарубежных исследователей. В последние годы повышенный интерес к данной тематике был связан с двумя новыми обстоятельствами. Во-первых, это разработка в 2010-е гг. концепции трансграничного туристско-рекреационного регионообразования. Во-вторых, это «закрытие» или значительные ограни-

чения в пересечении границ, предпринятые большинством государств вследствие объявленной в 2020 г. Всемирной организацией здравоохранения пандемии COVID-19. Необходимость оценки последствий пандемии COVID-19 с точки зрения развития трансграничного туризма требует исследования динамики величины туристского обмена в трансграничных туристско-рекреационных регионах. В частности, эта задача может быть отнесена к изучению трансгра-

ничного туристского обмена Российской Федерации с соседними государствами, в том числе и со странами Балтии – Эстонией, Латвией и Литвой.

Целью исследования является классификация трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов, в формировании которых приняли участие Эстония, Латвия и Литва, по величине трансграничного туристского обмена.

Обзор ранее выполненных исследований. Влияние государственной границы на туризм достаточно часто является темой исследований, проводимых на западном побережье России [13; 17; 18; 23] и в соседних с нею странах Северной и Центральной Европы [21; 22; 25; 26]. Новый импульс к изучению приграничного туризма придало создание концепции трансграничного туристско-рекреационного регионообразования [8], опирающейся на разработки в рамках теории международного регионообразования [5; 16]. В настоящее время в российской науке лидером по данной исследовательской тематике является Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (г. Калининград) и, соответственно, наиболее изученными в этом плане являются территории, окружающие Балтийское море. В пределах всего этого пространства, рассматриваемого как Балтийский трансграничный макрорегион, выделены трансграничные туристско-рекреационные регионы (ТТРР) более низкого уровня – мезо- и микрорегионы [8]. Наиболее детально изучен трансграничный туристско-рекреационный мезорегион «Юго-Восточная Балтика», в который вписывается несколько трансграничных туристско-рекреационных регионов микроуровня [7; 8; 19].

В последние годы были изучены трансграничные туристско-рекреационные регионы на границе России с Эстонией и Латвией [2; 9]. Кроме ранее обозначенных Е.Г. Кропиновой [8] регионов мезоуровня, здесь были выделены также трансграничные туристско-рекреационные регионы

микроуровня [3; 4; 6]. Было предложено определять степень сформированности данных ТТРР на основе величины трансграничного туристского обмена в их пределах [9]. Нужно отметить, что исследование трансграничного туристского обмена предпринимается и при изучении ТТРР «Юго-Восточная Балтика» [1; 20; 24], однако количественная оценка трансграничного туристского потока не используется для классификации ТТРР. Тем не менее, данный количественный критерий может быть не только применен для оценки степени сформированности ТТРР, но и послужить основанием для четкого разделения ТТРР мезо- и микроуровня и определения уровня (порядка) самих трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов.

Для определения границ ТТРР на территории Эстонии, Латвии и Литвы потребовалось изучение географии потока иностранных туристов в этих странах. Обычным является рассмотрение в динамике структуры международного туристского потока в эти государства [14; 15], но редко изучается собственно география этого турпотока с позиции трансграничного туристско-рекреационного регионообразования. Именно такие исследования были проведены нами ранее на территории Латвии [10], Эстонии [11], а также соседних регионов Российской Федерации [9]. Что же касается Литвы и ее южных соседей (Республики Беларусь, Польша и Калининградской области России), то здесь при изучении трансграничных регионов [7; 12; 19] официальная статистика международного турпотока используется пока не в полной мере.

Материалы и методика исследования. Исследование опирается на национальную статистику по туризму, представленную на официальных статистических сайтах Эстонии¹, Латвии² и Литвы³. Также использованы данные государственного агентства по развитию туризма в Литве «Lithuania Travel»⁴, национальная статистика соседних со странами Балтии государств: Финляндии⁵, Рос-

¹ Statistics Estonia. Statistical database. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 15.02.2021).

² Official statistics of Latvia. URL: <https://stat.gov.lv/en/search> (дата обращения: 15.02.2021).

³ Oficialiosios statistikos portalas. Statistics Lithuania. URL: <https://osp.stat.gov.lt/statistiniu-rodikliu-analize/> (дата обращения: 15.02.2021).

⁴ Tourism statistics. Lithuania travel. URL: <https://www.lithuania.travel/en/news/tourism-statistics> (дата обращения: 15.02.2021).

⁵ Visit Finland. Statistics Service Rudolf. URL: <http://visitfinland.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/VisitFinland/> (дата обращения: 15.02.2021).

сийской Федерации⁶, Республики Беларусь⁷ и Польши⁸.

В исследовании для оценки степени сформированности трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов, выделенных авторами и другими исследователями на границах Эстонии, Латвии и Литвы, осуществлен расчет величины туристского обмена между соседними странами в пределах данных ТТРР. Для этого были применены статистические данные по размещенным туристам (в том числе по регионам в разрезе по странам прибытия). Такие данные в полном объеме представлены в Эстонии, Финляндии и Польше. В Латвии, Литве и Республике Беларусь из-за недостатка таких данных количество размещенных туристов из той или иной страны определялось на основе числа иностранных туристов в регионе и оценке доли прибывших туристов из конкретной страны. Для России ввиду недостатка статистических данных использован ранее примененный пропорциональный метод подсчета иностранных туристов в регионе (на основе показателей числа принятых иностранных туристов по странам и числа размещенных иностранных туристов в регионах) [9].

Полученные результаты и их обсуждение. Динамика и структура въездного туристского потока. В отличие от «ком-

плексных» трансграничных регионов, ТТРР обладают важной характеристикой «отраслевого» порядка, а именно, можно определить степень их сформированности, опираясь на величину трансграничного туристского обмена в их пределах. Было бы логичным величину трансграничного туристского обмена в ТТРР рассмотреть за последний год, но пандемия COVID-19 внесла свои коррективы в динамику международного туризма, и потому для оценки данного количественного показателя был выбран 2019 г., который характеризовался наибольшей величиной въездного туристского потока во все три страны Балтии (см. рис. 1).

На рисунке 2 представлена структура въездного туристского потока в Эстонию, Латвию и Литву, но отдельно выделен турпоток только из тех государств, которые участвуют в совместном с тремя странами Балтии трансграничном туристско-рекреационном регионообразовании. В структуре въездного турпотока в Эстонию традиционно лидируют граждане Финляндии. Этот поток оставался стабильно высоким на протяжении второго десятилетия XXI в. и держался в пределах 800–950 тыс. чел. в год. Вторую позицию по турпотoku среди стран-соседей занимала Россия (200–300 тыс. чел. ежегодно во втором десятилетии XXI в.), третье место – Латвия (100–

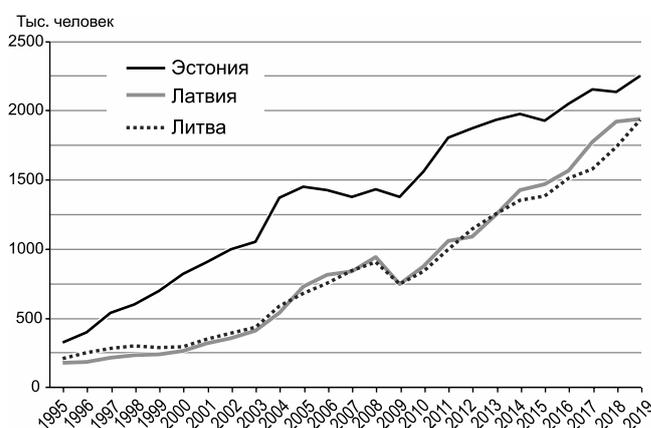

Рис. 1. Величина въездного туристского потока в Эстонию, Латвию и Литву в период с 1995 по 2019 г., тыс. чел.

Составлено авторами.

⁶ Число принятых иностранных туристов. ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31598> (дата обращения: 15.02.2021); Численность иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения. ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/44042> (дата обращения: 15.02.2021).

⁷ Туризм. Белстат. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/turizm/> (дата обращения: 15.02.2021).

⁸ Statistics Poland. URL: <https://bdl.stat.gov.pl/BDL/pomoc/stanzasilenia?active=2> (дата обращения: 15.02.2021).

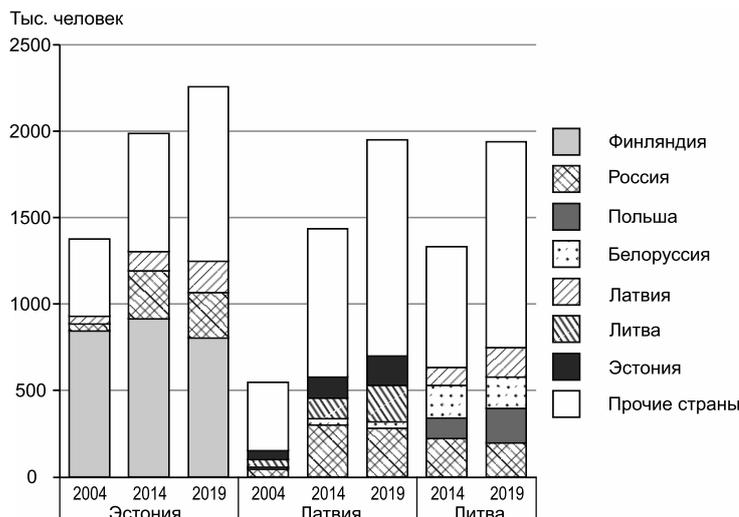

Рис. 2. Структура въездного туристского потока в Эстонию, Латвию и Литву в 2004, 2014 и 2019 гг., тыс. чел. Составлено авторами.

180 тыс. чел. в год). Из стран, не попавших на диаграмму, отметим еще четыре государства. Почти на уровне Латвии была величина турпотока из Германии, и примерно вдвое меньше – из Швеции, Литвы и Великобритании. В 2020 г. величина въездного турпотока в Эстонию снизилась на 70%, при этом меньше всего изменилась в его структуре доля туристов из Финляндии и России. Наименьшие потери турпотока (примерно вдвое) были из двух других стран Балтии – Латвии и Литвы. Наиболее значительное уменьшение турпотока наблюдалось из Швеции, Германии и Великобритании.

В Латвию в 2010-е гг. наибольший поток туристов был направлен из России (170–300 тыс. чел. в год), второе место занимала Германия (100–240 тыс. чел. в год). Лишь немного двум лидерам уступали ближайшие прибалтийские соседи – Литва (90–200 тыс. чел. в год) и Эстония (80–170 тыс. чел. в год). Почти в два раза меньше была величина турпотока из Финляндии, Великобритании, Швеции и Польши. В 2020 г. объем потока иностранных туристов в Латвию уменьшился на 63%. В меньшей степени сократился турпоток из соседних Литвы и Эстонии (до 20%), а также из Финляндии (на 38%), в наибольшей степени – из Швеции, Германии и Великобритании. Почти на две трети уменьшился турпоток из России и Польши.

В тройку лидеров по турпотоку в Литву во второй половине 2010-х гг. входили Гер-

мания, Польша и Россия (200–230 тыс. чел. в 2019 г.), четвертое место занимала Республика Беларусь (180 тыс. чел.), пятое – Латвия (около 170 тыс. чел.). В первую десятку стран по величине въездного турпотока в Литву в 2019 г. входили также Украина, Великобритания, Эстония, США и Финляндия. К сожалению, имеющаяся в открытом доступе статистика не позволяет оценить величину падения въездного турпотока в Литву в 2020 г. Но, судя по сложившейся к концу второго десятилетия XXI в. структуре въездного турпотока (низкий вес в нем двух других стран Балтии), можно предположить, что его падение в 2020 г. было более значительным, чем в Латвии и Эстонии.

Иерархия и степень сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов. Г.М. Федоров и В.С. Корнеев [16] в бассейне Балтийского моря предложили в иерархии трансграничных регионов выделять три основных уровня: макро-, мезо- и микрорегионы. Так, верхнюю ступеньку в иерархии трансграничных регионов занимает трансграничный Балтийский макрорегион. Мезорегионы включают две или более частей соседних стран. В качестве примера в данном случае называется мезорегион «Юго-Восточная Балтика», охватывающий Калининградскую область России и прилегающие к ней три уезда Литвы и два воеводства Польши. Микрорегионы формируются на основе кооперации муни-

ципальных образований соседних стран. В качестве примера трансграничных регионов микроуровня приводятся еврорегионы и аналогичные им новые пространственные формы международной экономической интеграции (НПФМЭИ). В Балтийском макрорегионе существует 29 таких образований. В.С. Корнеевец [5], опираясь на определенный набор признаков трансграничного регионообразования, обозначил границы 17 мезорегионов («регионов сотрудничества»). В юго-восточной части Балтийского макрорегиона, куда входят Эстония, Латвия и Литва, создано 12 еврорегионов и НПФМЭИ, которые укладываются в 7 трансграничных мезорегионов (табл. 1).

Именно эти «комплексные» трансграничные мезорегионы послужили основой для выделения Е.Г. Кропиновой [8] в Балтийском макрорегионе трансграничных «отраслевых» – туристско-рекреационных регионов мезоуровня. Их несколько меньше, чем комплексных мезорегионов, и они могут вообще не соответствовать последним, т.к. должны удовлетворять целому ряду специфических признаков трансграничного туристско-рекреационного регионообразования. Это, например, наличие разнообразных туристских ресурсов, трансграничных туристских маршрутов, тесной связи между субъектами туризма по обе стороны государственной границы и т.д. [8]. Кроме того, Е.Г. Кропинова предложила иерархию трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов, разделив их на три уровня (порядка). Мезорегион первого порядка может включать несколько муниципальных образований высшего уровня, второго порядка – муниципалитеты низшего уровня, третьего порядка – части последних [8]. При этом мезорегионы разных порядков могут частично накладываться, а также вписываться один в другой (или в мезорегион).

В пределах юго-восточной части Балтийского макрорегиона Е.Г. Кропинова выделила четыре ТТРР мезоуровня: 1) российско-эстонский (от Санкт-Петербурга до Таллина); 2) финско-эстонский; 3) латышско-эстонско-российский; 4) польско-российско-литовский [8]. Наши исследования позволили выделить еще два ТТРР мезоуровня – эстонско-латвийский («Рижский залив») [10; 11] и польско-литовско-белорусский (на основе комплексного трансгранич-

ного мезорегиона с аналогичным названием). По нашему мнению, остальные ТТРР, которые выделены на юго-востоке Балтийского макрорегиона, не могут претендовать на статус мезорегионов и относятся к ТТРР более низкого уровня – мезорегионам. Основанием для этого решения служит небольшая величина туристского обмена в пределах данных ТТРР. На наш взгляд, количественным критерием отнесения ТТРР к мезорегионам является объем туристского обмена внутри них не ниже 50 тыс. чел. в год (в период 2015–2019 гг.).

Для определения величины туристского обмена внутри ТТРР необходимо иметь четкое представление о границах последних, так как этот показатель рассчитывается на уровне административных единиц соседних стран, входящих в ТТРР. Нами были определены эти границы (см. табл. 1) и рассчитана величина туристского обмена внутри ТТРР по статистике на 2019 г. В случае отсутствия детальной статистики на уровне низовых административных единиц (в Российской Федерации, Литве и Республике Беларусь) давалась оценка данного показателя.

Нужно отметить, что разработчиками концепции трансграничного туристско-рекреационного регионообразования не была предложена иерархия трансграничных регионов мезоуровня, которую, на наш взгляд, можно напрямую связать с оценкой степени сформированности ТТРР. Е.Г. Кропинова указала, что большинство ТТРР мезоуровня в Балтийском макрорегионе имеют средний уровень сформированности, но особо выделила несколько мезорегионов, имеющих относительно высокую или низкую степени сформированности. В частности, были отмечены «значительные связи» внутри финско-эстонского мезорегиона [8]. По нашему мнению, можно обозначить три степени сформированности ТТРР мезоуровня: высокую, выше средней и среднюю. При этом низкая степень сформированности служит основанием для отнесения ТТРР к микро-регионам.

Критерием для оценки степени сформированности и уровня (порядка) ТТРР может являться величина туристского обмена в их пределах. Эмпирически для ТТРР Балтийского макрорегиона, с опорой на туристскую статистику за 2015–2019 гг.,

Таблица 1. Соответствие трансграничных туристско-рекреационных регионов мезо- и микроуровня (в Эстонии, Латвии, Литве и смежных территориях) комплексным трансграничным мезорегионам, еврорегионам и аналогичным им новым пространственным формам международной экономической интеграции

Трансграничные туристско-рекреационные регионы мезо- и микроуровня (с указанием источника, где представлено их описание)	Трансграничные мезорегионы («регионы сотрудничества») [5]	Еврорегионы и аналогичные им новые пространственные формы международной экономической интеграции (в скобках – год образования) [5]	Административные единицы, входящие в состав трансграничных туристско-рекреационных регионов мезо- и микроуровня
I. Российско-эстонский мезорегион («Санкт-Петербург – Таллин») [2; 8; 9; 11]			Санкт-Петербург, юго-запад Ленинградской области (Россия), г. Таллин и уезды Харьюмаа, Ляэне-Вирумаа и Ида-Вирумаа (Эстония)
II. Эстонско-финский мезорегион [8; 11]	1. Эстонско-финский	1. Финско-эстонская кооперация (1995) 2. Еврорегион «Хельсинки – Таллин» (2003)	г. Таллин и уезды Харьюмаа, Пярнумаа, Рапламаа (Эстония), г. Хельсинки и Уусимаа (Финляндия)
III. Эстонско-латвийский мезорегион «Рижский залив» [10; 11]			Регионы Пририжский и Видземе (Латвия), уезды Пярнумаа, Сааремаа и Хийумаа (Эстония)
1. Шведско-эстонский мезорегион	2. Шведско-эстонский	3. Частично «Острова Балтийского моря Б7» (1997)	Готланд (Швеция), Сааремаа и Хийумаа (Эстония)
IV. Российско-эстонско-латвийский мезорегион («Псков – Тарту – Сигулда») [2; 8–11]	3. Российско-эстонско-латвийский	4. Северная часть еврорегиона «Псков – Ливония» (2004) 5. Часть Кооперации «территория трансграничного сотрудничества Чудского озера» (1993)	г. Псков, Псковский и Печорский районы Псковской области (Россия), г. Тарту, уезды Тартумаа, Вырумаа и Пылвамаа (Эстония), регион Видземе (Латвия)
2. Российско-латвийский мезорегион («Пыталово – Резекне – Себеж») [3; 9]		Южная часть еврорегиона «Псков – Ливония» (2004)	Пыталовский и Себежский районы Псковской области (Россия), север региона Латгале (Латвия)
3. Латвийско-литовско-белорусский мезорегион «Страна озер» [12]	4. Латвийско-литовско-белорусский	6. Еврорегион «Страна озер» (1999)	В границах еврорегиона «Страна озер»
4. Латвийско-литовский мезорегион	5. Латвийско-литовский	7. Часть еврорегиона «Сауле» (1999) 8. Еврорегион «Бартува» (2000)	В границах еврорегионов «Сауле» и «Бартува»
V. Российско-польско-литовский мезорегион «Юго-Восточная Балтика» [7; 8; 19]	6. Российско-литовско-польский «Юго-Восточная Балтика»	9. Часть еврорегиона «Балтика» (1998) 10. Часть еврорегиона «Шешупе» (2003) 11. Еврорегион «Лына – Лава» (2003)	Калининградская область (Россия), Поморское и Варминско-Мазурское воеводства (Польша), Клайпедский, Таурагский и Мариямпольский уезды (Литва)
VI. Польско-литовско-белорусский мезорегион «Неман»	7. Литовско-белорусско-польский	12. Часть еврорегиона «Неман» (1997)	Подляшское воеводство (Польша), Вильнюсский, Каунасский и Алитусский уезды (Литва), Гродненская область (Беларусь)

нами были определены следующие количественные критерии. Так, к первому порядку (с высокой степенью сформированности) отнесены мезорегионы с трансграничным туристским обменом свыше 500 тыс. чел. в год, ко второму порядку (со степенью сформированности «выше средней») – от 100 до 500 тыс. в год, к третьему порядку (со средней степенью сформированности) – от 50 до 100 тыс. в год. Как было отмечено выше, ТТРП с туристским обменом менее 50 тыс. в год включены в категорию трансграничных микрорегионов.

В итоге на юго-востоке Балтийского макрорегиона нами выделено шесть ТТРП мезоуровня, один из которых (эстонско-финский) отнесен к первому порядку с высоким уровнем сформированности (см. табл. 2, рис. 3). Мезорегионов второго порядка (со степенью сформированности «выше средней») выделено три – польско-литовско-белорусский («Неман»), российско-эстонский (Санкт-Петербург – Таллин) и российско-польско-литовский («Юго-Восточная Балтика»). Оставшиеся два ТТРП мезоуровня (российско-эстонско-латвийский и эстонско-латвийский) отнесены к мезорегионам третьего порядка со средним уровнем сформированности.

Эстонско-финский ТТРП мезоуровня входит по величине туристского обмена тройку лидеров в Балтийском макрорегионе, но следует отметить его значительную асимметричность. Высокий показатель по трансграничному туробмену достигается исключительно благодаря финским туристам в Эстонии, при этом число эстонских туристов в Финляндии почти в 15 раз меньше. Тем не менее, асимметричность ТТРП не является исключительным явлением, этой особенностью обладают почти все трансгранич-

ные мезорегионы на юго-востоке Балтийского макрорегиона. Так, заметный перевес в пользу российских туристов наблюдается во всех трех ТТРП мезоуровня, в формировании которых приняла участие Российская Федерация. В ТТРП мезоуровня с участием Литвы (российско-польско-литовский «Юго-Восточная Балтика» и польско-литовско-белорусский «Неман») выявляется минимальное участие в туробмене граждан этой страны. Очевидно, что главным фактором асимметричности ТТРП является различие в количестве жителей по разные стороны границы, а в случае со странами Балтии сказывается малая численность населения этих государств по сравнению с соседними государствами.

Выводы. Оценка величины туристского обмена внутри трансграничных туристско-рекреационных регионов позволила по-новому взглянуть на феномен трансграничного туризма, а также рассмотреть роль фактора географического соседства в международных туристских потоках. В результате проведенного исследования было выделено шесть трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов с участием Эстонии, Латвии и Литвы. Вследствие пандемии COVID-19 в 2020 г. объем въездного туризма в страны Балтии уменьшился примерно на две трети. При этом поток туристов из соседних стран, участвующих в формировании совместных с ними трансграничных туристско-рекреационных регионов, сократился в значительно меньшей степени.

С опорой на оценку величины трансграничного туристского обмена внутри этих мезорегионов (по статистике за 2015–2019 гг.) было предложено разделить их по степени сформированности на три категории

Таблица 2. Величина трансграничного туристского обмена в ТТРП мезоуровня на территории стран Балтии и соседних государств

Трансграничные туристско-рекреационные мезорегионы	Объем туристского обмена в пределах ТТРП в 2019 г.	Степень сформированности ТТРП	Уровень (порядок) мезорегиона
1. Российско-эстонский	244 811	выше средней	второй
2. Эстонско-финский	740 840	высокая	первый
3. Эстонско-латвийский	86 922	средняя	третий
4. Российско-эстонско-латвийский	97 265	средняя	третий
5. Российско-польско-литовский	159 149	выше средней	второй
6. Польско-литовско-белорусский	370 360	выше средней	второй

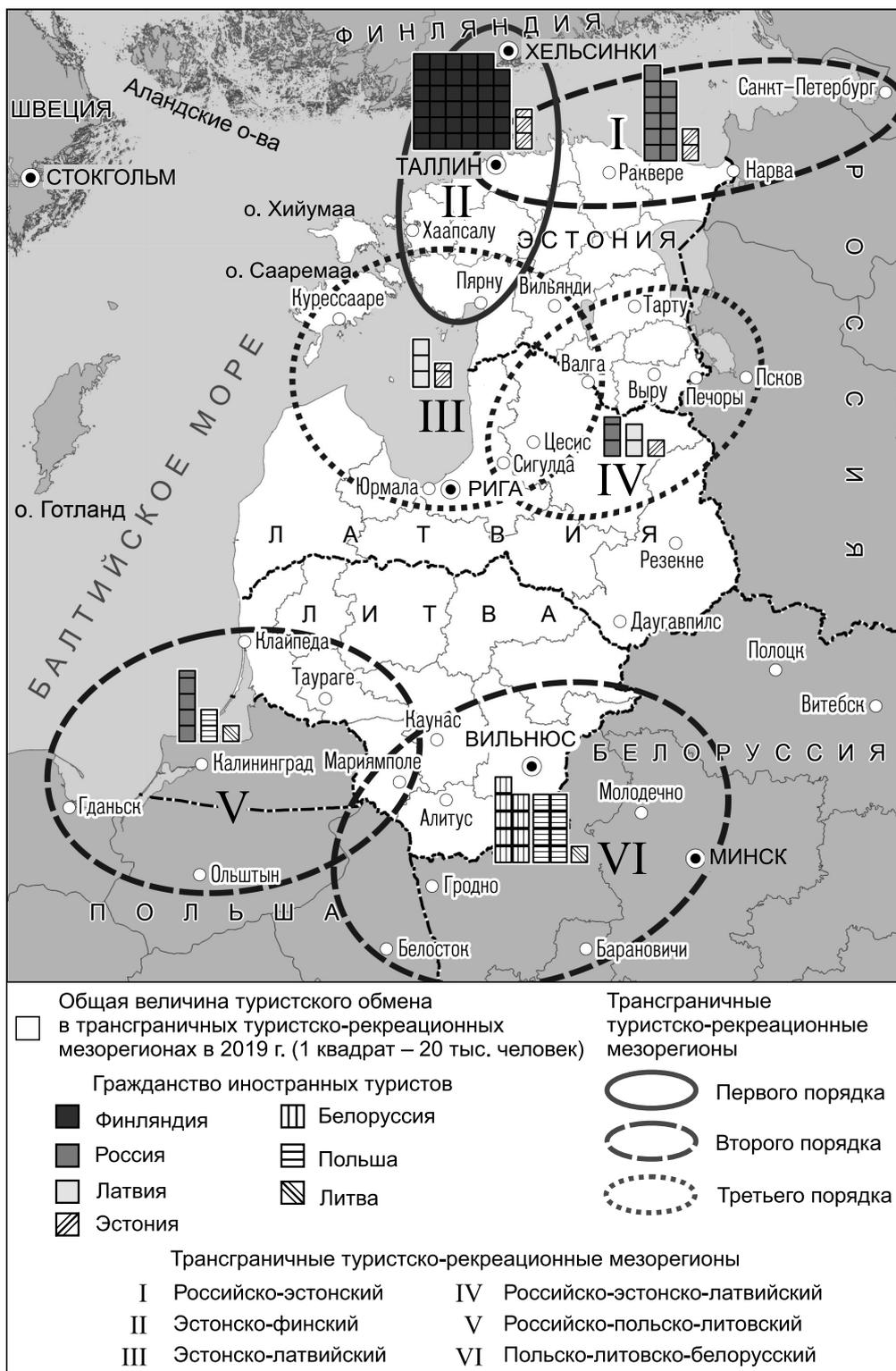

Рис. 3. Трансграничные туристско-рекреационные мезорегионы в странах Балтии и величина трансграничного туристского обмена в их пределах на 2019 г.

Составлено авторами.

(порядка). Так, к первому порядку (с высокой степенью сформированности) отнесены мезорегионы с трансграничным туристским обменом свыше 500 тыс. чел. в год, ко второму порядку (со степенью сформированности «выше средней») – от 100 до 500 тыс. чел. в год, к третьему порядку (со средней степенью сформированности) – от 50 до 100 тыс. чел. в год. Трансграничные туристско-рекреационные регионы с низкой степенью сформированности (при туристском обмене менее 50 тыс. чел. в год) отнесены к категории микрорегионов.

В пределах юго-восточной части Балтийского макрорегиона наиболее высоким уровнем сформированности отличается эстонско-финский мезорегион первого порядка. При этом он характеризуется значительной

асимметричностью, а именно, многократным перевесом в трансграничном обмене туристов из Финляндии. Для трех трансграничных туристско-рекреационных регионов определена степень сформированности «выше средней» – это польско-литовско-белорусский («Неман»), российско-эстонский (Санкт-Петербург – Таллин) и российско-польско-литовский («Юго-Восточная Балтика») мезорегионы второго порядка. И еще два отнесены к мезорегионам третьего порядка со средней степенью сформированности – эстонско-латвийский («Рижский залив») и российско-эстонско-латвийский. Остальные трансграничные туристско-рекреационные регионы, в формировании которых приняли участие Эстония, Латвия и Литва, рассматриваются как микрорегионы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисевич Р., Пальмовский Т., Драгилева И.И.* Влияние местного приграничного передвижения на развитие трансграничного туризма между Республикой Польша и Калининградской областью Российской Федерации // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 2013. С. 65–73.
2. *Голомидова Е.С.* Перспективы развития трансграничных туристско-рекреационных регионов на побережье России с Эстонией и Латвией // Псковский регионологический журнал. 2020. № 2 (42). С. 124–135. DOI: 10.37490/S221979310008585-6.
3. *Голомидова Е.С.* Потенциал развития трансграничных туристско-рекреационных микрорегионов «Пыталово – Резекне» и «Себеж – Резекне» // Псковский регионологический журнал. 2018. № 4 (36). С. 143–151.
4. *Голомидова Е.С.* Трансграничный туристско-рекреационный микрорегион «Нарвский»: специфика формирования и перспективы развития // Псковский регионологический журнал. 2018. № 3 (35). С. 108–115.
5. *Корнеевец В.С.* Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 80 с.
6. *Красильникова И.Н., Теренина Н.К.* Псковско-Чудское побережье как территория трансграничного туризма // Туризм и индустрия гостеприимства: современное состояние и тенденции развития. Мат-лы Междунар. науч. конф. Псков, 2019. С. 103–108.
7. *Кропинова Е.Г., Кондратьева С.В.* Применение теории социально-экономического районирования для функционального и пространственного исследования трансграничных туристско-рекреационных регионов (на примере Юго-Восточной Балтики) // Проблемы регионального развития в начале XXI века. Мат-лы Междунар. науч. конф. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 209–220.
8. *Кропинова Е.Г.* Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. 272 с.
9. *Манаков А.Г., Голомидова Е.С., Иванов И.А.* Оценка величины туристского потока в пределах трансграничных туристско-рекреационных регионов на северо-западном побережье России // Известия РГО. 2019. Т. 151. Вып. 5. С. 18–31. DOI: 10.31857/S0869-6071151518-31.
10. *Манаков А.Г., Иванов И.А., Чученкова О.А.* Географические особенности трансграничного туристско-рекреационного регионообразования в Латвии // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Естеств. и физ.-мат. науки. 2019. № 15. С. 52–61.
11. *Манаков А.Г., Чученкова О.А., Иванов И.А.* География туризма Эстонии в контексте трансграничного туристско-рекреационного регионообразования // Псковский регионологический журнал. 2019. № 4 (40). С. 80–95. DOI: 10.37490/S221979310010191-3.
12. *Пумбуриди М.Г., Давыденко Л.Н.* Перспективы развития туристического бизнеса в евровегионе «Озерный край» // Беларусь в современном мире. Мат-лы XVIII Междун. Науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белор. гос. ун-та. Минск: Белор. гос. ун-т, 2019. С. 351–355.
13. *Себенцов А.Б., Колосов В.А., Зотова М.В.* Туризм и приграничное сотрудничество в Калининградской области // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016. № 4. С. 64–72.

14. Спириядас Э. Развитие международного туризма в Литве: сравнительный анализ региональных аспектов // Балтийский регион. 2013. № 1 (15). С. 116–127.
15. Чученкова О.А. География потоков международного въездного туризма в Эстонии в 2004–2018 гг. // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер. Естеств. и физ.-мат. науки. 2019. № 14. С. 55–66.
16. Федоров Г.М., Корнеевец В.С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2 (2). С. 32–42.
17. Katrovsky A.P., Kovalev Yu., Mazhar L., Shcherbakova S. Tourism in border regions: theoretical aspects of a geographical study // Baltic Region. 2017. Vol. 9. № 1. P. 81–90. DOI: 10.5922/2079-8555-2017-1-7.
18. Korneevets V.S., Kropinova E.G., Dragileva I.I. The current approaches to the transborder studies in the sphere of tourism // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. Vol. 5. Spec. Issue. P. 65–73.
19. Kropinova Ye. The factors affecting the development of the South-Eastern Baltic tourism and recreation region // Baltic Region. 2011. Vol. 7. № 1. P. 93–100. DOI: 10.5922/2079-8555-2011-1-12.
20. Palmowski T., Fedorov G.M. The development of a Russian-Polish cross-border region: the role of the Kaliningrad agglomeration and the tri-city (Gdansk – Gdynia – Sopot) // Baltic Region. 2019. Vol. 11. № 4. P. 6–19. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-4-1.
21. Prokkola E.-K. Cross-border regionalization and tourism development at the Swedish-Finnish border: «Destination Arctic Circle» // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. 2007. Vol. 7. № 2. P. 120–138. DOI: 10.1080/15022250701226022.
22. Prokkola E.-K. Borders in tourism: the transformation of the Swedish-Finnish border landscape // Current Issues in Tourism. 2010. Vol. 13. № 3. P. 223–238. DOI: 10.1080/13683500902990528.
23. Stepanova S.V. Tourism development in border areas: a benefit or a burden? The Case of Karelia // Baltic Region. 2019. Vol. 11. № 2. P. 94–111. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-2-6.
24. Studzieniecki T., Palmowski T., Korneevets V. The system of cross-border tourism in the Polish-Russian borderland // Procedia Economics and Finance. 2016. № 39. P. 545–552.
25. Timothy D.J., Saarinen J., Viken A. Editorial: tourism issues and international borders in the Nordic Region // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. 2016. Vol. 16. Suppl. 1. P. 1–13. DOI: 10.1080/15022250.2016.1244504.
26. Wieskowski M. Tourism development in the borderlands of Poland // Geographia Polonica. 2010. Vol. 83. № 2. P. 67–81.

Статья поступила в редакцию 8 марта 2021 г.
Статья принята к публикации 29 марта 2021 г.

Об авторах

Манаков Андрей Геннадьевич – доктор географических наук, профессор кафедры географии Псковского государственного университета, г. Псков.

Иванов Иван Андреевич – аспирант кафедры географии Псковского государственного университета, г. Псков.

Чученкова Оксана Алексеевна – аспирантка кафедры географии Псковского государственного университета, г. Псков.

Для цитирования:

Манаков А.Г., Иванов И.А., Чученкова О.А. Классификация трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов в юго-восточной части Балтийского макрорегиона // Региональные исследования. 2021. № 1. С. 118–129.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-10

Classification of South-Eastern Baltics cross-border recreational mesoregions

A.G. Manakov*, I.A. Ivanov**, O.A. Chuchenkova***

Pskov State University, Pskov, Russia

**e-mail: region-psk@yandex.ru*

***e-mail: ii60@bk.ru*

****e-mail: oksanachuchenkova@gmail.com*

Experience in assessing the COVID-19 pandemic impact on international tourism indicates insufficient attention to changes in geography and volume of international tourist flows. In particular, studies aimed at assessing the value of tourist exchange in cross-border tourist and recreational regions are becoming

relevant. The purpose of the article is to classify cross-border tourist and recreational mesoregions in the south-eastern part of the Baltic region by the size of cross-border tourist exchange. As a result of the study, six cross-border tourist and recreational mesoregions were identified with the participation of Estonia, Latvia, and Lithuania. The boundaries of these mesoregions were determined and the value of cross-border tourist exchange within them was estimated. According to the latter indicator, it is proposed to divide mesoregions into three categories: 1) with a high level of formation (tourist exchange of more than 500 thousand people per year); 2) with a level of formation «above average» (from 100 to 500 thousand people per year); 3) with an average level of formation (from 50 to 100 thousand people per year). Cross-border tourist and recreational regions with a low level of formation (with a tourist exchange of fewer than 50 thousand people per year) are classified as microregions. The first category included the Estonian-Finnish mesoregion, the second – three mesoregions (Russian-Estonian, Russian-Polish-Lithuanian, and Polish-Lithuanian-Belarusian), the third – Russian-Estonian-Latvian and Estonian-Latvian.

Keywords: Baltic States, tourism, tourist flow, cross-border exchange, cross-border region, level of formation.

REFERENCES

1. Anisevich R., Palmovsky T., Dragileva I.I. The influence of local border traffic on the development of cross-border tourism between the Republic of Poland and the Kaliningrad region of the Russian Federation. In: *Nauka i turizm: strategii vzaimodejstviya* [Science and tourism: interaction strategies]. Barnaul: Altai State University Publ., 2013, pp. 65–73. (In Russ.).
2. Golomidova E.S. Prospects for the development of cross-border tourist and recreational regions on the border of Russia with Estonia and Latvia. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, 2020, no. 2 (42), pp. 124–135. DOI: 10.37490 / S221979310008585-6. (In Russ.).
3. Golomidova E.S. Development potential of cross-border tourist and recreational micro-regions "Pytalovo – Rezekne" and "Sebezh – Rezekne". *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, 2018, no. 4 (36), pp. 143–151. (In Russ.).
4. Golomidova E.S. Transboundary tourist and recreational microregion "Narvsky": the specifics of formation and development prospects. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, 2018, no. 3 (35), pp. 108–115. (In Russ.).
5. Korneevets V.S. *Formirovanie transgranichny'x mezoregionov na Baltike* [Formation of transboundary mesoregions in the Baltic]. Kaliningrad: Publishing house of the I. Kant Russian State University, 2010. 80 p. (In Russ.).
6. Krasilnikova I.N., Terenina N.K. Pskov-Peipsi coast as a territory of cross-border tourism. In: *Turizm i industriya gostepriimstva: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Tourism and hospitality industry: current state and development trends. Materials of the International Scientific Conference]. Pskov, 2019, pp. 103–108. (In Russ.).
7. Kropinova E.G., Kondratieva S.V. Application of the theory of socio-economic zoning for functional and spatial research of cross-border tourist and recreational regions (on the example of the South-Eastern Baltic) In: *Problemy regional'nogo razvitiya v nachale XXI veka. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Problems of regional development at the beginning of the XXI century. Materials of the international scientific conference]. Kaliningrad: I. Kant IKBFU Publishing House, 2019, pp. 209–220. (In Russ.).
8. Kropinova E.G. *Transgranichny'e turistsko-rekreacionny'e regiony na Baltike* [Transboundary tourist and recreational regions in the Baltic]. Kaliningrad: I. Kant IKBFU Publishing House, 2016, 272 p. (In Russ.).
9. Manakov A.G., Golomidova E.S., Ivanov I.A. Assessment of the size of the tourist flow within the cross-border tourist and recreational regions on the North-Western border of Russia. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 2019, vol. 151, no. 5, pp. 18–31. DOI: 10.31857 / S0869-6071151518-31. (In Russ.).
10. Manakov A.G., Ivanov I.A., Chuchenkova O.A. Geographic features of cross-border tourism and recreation region formation in Latvia. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Estestvenny'e i fiziko-matematicheskie nauki"*, 2019, no. 15, pp. 52–61. (In Russ.).
11. Manakov A.G., Chuchenkova O.A., Ivanov I.A. Geography of tourism in Estonia in the context of cross-border tourism and recreation region formation. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, 2019, no. 4 (40), pp. 80–95. DOI: 10.37490/S221979310010191-3. (In Russ.).
12. Pumburidi M.G., Davydenko L.N. Prospects for the development of tourism business in the Euroregion "Lake District", in *Belarus v sovremennom mire. Materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 98-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Belarus in the modern world. Materials of the XVIII International Scientific Conference dedicated to the 98th anniversary of the formation of the Belarusian State University], Minsk: Belarusian State University Publ., 2019, pp. 351–355. (In Russ.).
13. Sebentsov A.B., Kolosov V.A., Zotova M.V. Tourism and cross-border cooperation in the Kaliningrad region. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, 2016, no. 4, pp. 64–72. (In Russ.).

14. Spiryaevs E. Development of international tourism in Lithuania: a comparative analysis of regional aspects. *Baltijskij region*, 2013, no. 1 (15), pp. 116–127. (In Russ.).
15. Chuchenkova O.A. Geography of international inbound tourism flows in Estonia in 2004–2018. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Estestvenny'e i fiziko-matematicheskie nauki"*, 2019, no. 14, pp. 55–66. (In Russ.).
16. Fedorov G.M., Korneevets V.S. Cross-border regions in the hierarchical system of regions: a systematic approach. *Baltijskij region*, 2009, no. 2 (2), pp. 32–42. (In Russ.).
17. Katrovsky A.P., Kovalev Yu., Mazhar L., Shcherbakova S. Tourism in border regions: theoretical aspects of a geographical study. *Baltic Region*, 2017, vol. 9, no. 1, pp. 81–90. DOI: 10.5922/2079-8555-2017-1-7.
18. Korneevets V.S., Kropinova E.G., Dragileva I.I. The current approaches to the transborder studies in the sphere of tourism. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 2015, vol. 5, spec. issue, pp. 65–73.
19. Kropinova Ye. The factors affecting the development of the South-Eastern Baltic tourism and recreation region. *Baltic Region*, 2011, vol. 7, no. 1, pp. 93–100. DOI: 10.5922/2079-8555-2011-1-12.
20. Palmowski T., Fedorov G.M. The development of a Russian-Polish cross-border region: the role of the Kaliningrad agglomeration and the tri-city (Gdansk – Gdynia – Sopot). *Baltic Region*, 2019, vol. 11, no. 4, pp. 6–19. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-4-1.
21. Prokkola E.-K. Cross-border regionalization and tourism development at the Swedish-Finnish border: "Destination Arctic Circle". *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, 2007, vol. 7, no. 2, pp. 120–138. DOI: 10.1080/15022250701226022.
22. Prokkola E.-K. Borders in tourism: the transformation of the Swedish-Finnish border landscape. *Current Issues in Tourism*, 2010, vol. 13, no. 3, pp. 223–238. DOI: 10.1080/13683500902990528.
23. Stepanova S.V. Tourism development in border areas: a benefit or a burden? The case of Karelia. *Baltic Region*, 2019, vol. 11, no 2, pp. 94–111. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-2-6.
24. Studzieniecki T., Palmowski T., Korneevets V. The System of cross-border tourism in the Polish-Russian borderland. *Procedia Economics and Finance*, 2016, no. 39, pp. 545–552.
25. Timothy D.J., Saarinen J., Viken A. Editorial: tourism issues and international borders in the Nordic region. *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, 2016, vol. 16, suppl. 1, pp. 1–13. DOI: 10.1080/15022250.2016.1244504.
26. Wieskowski M. Tourism development in the borderlands of Poland. *Geographia Polonica*, 2010, vol. 83, no. 2, pp. 67–81.

Received 08.03.2021

Accepted 29.03.2021